

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— Может быть, все мои спектакли — неудачи, откуда я знаю... Ведь некоторые так и считают.

Он не конетничает, когда так говорит. Трудно представить, чтобы этот огромный, похожий на поседшего богатыря человек конетничал. Просто народный артист СССР, главный режиссер одного из популярнейших наших театров — Ленинградского имени Ленсовета — ставит такие спектакли, которые всем понравились не могут. Состояние риска для него естественно. Он может после двадцатилетнего перерыва выйти на сцену и поразить всех своей актерской игрой. Может поставить мюзикл на важную и серьезную тему и рассказать об этом серьезно без назидания. Он был первым, кто решился поставить пьесу, которую потом назовут новаторской, — «Человека со стороны» Игнатия Дворецкого.

История театра всегда казалась мне чем-то очень далеким, уходящим корнями в какие-то неведомые времена и неведомым людям, а тут вот она — рядом. Люди, которым театр небезразличен, и вы, будущие историки театра, слушайте — вот как создавался спектакль «Человек со стороны»:

— Сначала был сценарий. Дворецкий сделал из него пьесу, я прочел ее на трупе — полный успех! Решено: ставим. Распределил роли, и началось... Ведь что такое «Человек со стороны»? Коллективный портрет завода во главе с Чешковым. Около тридцати действующих лиц! Каждая роль — две странички, реплики совершенно непонятные: «Рама на девятнадцатый номер закрывает квартал». Как прикажете это играть? Это сейчас актеры привыкли произносить «производственный текст», как обращение к любимой женщине, а тогда-то все было в новинку. Попробовали выбросить технические термины — пропала пьеса. Репетировали, репетировали, читали пьесу, и вдруг стало очевидным: говорит актер про «рамы на девятнадцатый...», а рассказывает-то о собственной заботе.

Да, портрет завода... И портрет театра. И портрет нашей жизни. Рассказ о наших болях, наших проблемах...

А что Чешков? Да, заносчив. Но ведь он — один, ему не на кого, кроме себя, надеяться. Да, он ершист, но для дела. Если человек тверд и непреклонен ради общего дела — это прекрасно! Помните, первый вопрос, который задает Чешков, узнав, что на заводе не все в порядке: «В чем вы видите вашу ошибку?» Он ненавидит общие слова. У людей сегодня повысился общий культурный уровень — они здоровее научились разговаривать, и демагогу легко обвинить такого человека, как Чешков. Его обвиняют, не понимают. А он делает дело. Мне кажется, мы очень часто оцениваем человека не по тому, что он реально делает, а по тому, насколько он приятен, симпатичен и умеет говорить правильные слова...

И вот тут возникает у меня вопрос странный, который у Владимирову задать не решаюсь, но который мне самому чрезвычайно интересен: «Пожалуйста сам Игорь Петрович на Чешков?» Конечно, Владимиров мягче, конечно, с людьми не столь суров. Но то, что дело для него главное, — это точно. То, что он, как и Чешков, — работник — это наверняка. И то, что путь его чрезвычайно труден, — тоже факт.

Сначала Владимиров закончил кораблестроительный институт. За несколько дней до войны, в июне 1941 года, выдержал экзамены в студию С. А. Герасимова. Война, ополчение...

Потом уже был и театральный институт, и работа вместе с Товстоноговым.

— Искусство не становится лучше или хуже — оно меняется. После того как наш народ пережил такую великую войну, совершенно изменилось представление людей о трагическом.

Стало трудно заставить человека плакать в театре. Я не боюсь, что мой зритель, глядя на сцену, заплачет. Я боюсь, что он разучится это делать. Чувство сопереживания — великое чувство, рождающееся в людях во время бед и потрясений, — сегодня нередко притупляется. Мы перестаем ощущать самость человека. Мы боимся потратить свои переживания на то, чтобы пожалеть человека, если с ним незнакомы. Искусство, театр, быть может, в первую очередь должны это чувство сопереживания будить. Но как?

Не верю в театр «для элиты», в искусство «для избранных». Искусство вышло из скоморохов, из сказителей, которые начинали свой рассказ, только находясь в кругу людей. Пещерный человек, нарисовав на камне свой первый рисунок, наверняка позвал товарищей посмотреть. Где нет зрителей, нет и зрелища. А сопереживать будут только тому произведению, которое показывает человеку человека же, которое рассказывает о том главным, чем живет сегодняшнее время.

Я должен влюбиться в пьесу — тогда я ее буду ставить.

А для этого в первую очередь она должна быть нужной именно сегодня, сейчас. Да разве в любом деле не любовь все решает? Разве не влюблен Чешков в свое дело? Разве хоть одно открытие в любой области человеческих знаний, создавалось людьми, которые не были влюблены в то, что они делают?

Человек спасает девочку из под колес поезда, спасает от самоубийства, увозит ее от семьи, в которой давно нет девочки никакого дела. Девочку зовут Оля. Человека зовут Мякишев. Пьеса называется «Спешите делать добро». Автор — Михаил Рошин. Вырванная из своей страшной жизни, девочка расцветает. Но что будет с ней дальше? Доброе дело сделал Мякишев: показал ей, что такое нормальная человеческая жизнь. Но дальше-то, дальше... Вспышка добра, которая потом может обернуться своей противоположностью? Театр разыгрывает здесь о культуре доброты, о том, какое это, в сущности, нелегкое дело — быть добрым. Резкий Чешков и мягкий Мякишев — кто из них воистину добрый?

— Недавно я был во Франции и видел страшную картину. Идет поток машин, люди едут отдыхать. Милые, respectable люди. Из окон машин эти милые люди на ходу выбрасывают собак. Приятно проявить доброту — взять собачку, а надоело — выбросил... Организовано даже целое общество, члены которого подбирают этих собак, лечат, чтобы каждый желающий мог прийти к ним и взять собачку. Но берут почему-то меньше, чем выбрасывают...

Почему я об этом вспомнил? А потому, что в последнее время стало чуть ли не модным говорить о доброте. Кого ни спроси о главном человеческом качестве — доброта. Но доброта — это талант. Быть добрым — значит, быть ответственным за того, к кому ты эту доброту проявляешь. Об этом мы и хотели сказать нашим спектаклем. Иногда мы называем добротой элементарную человеческую порядочность.

Игорь
Владимиров: ТАЛАНТ
БЫТЬ ДОБРЫМ

А быть по-настоящему добрым трудно. Мякишев показал Ольге красивую жизнь, а что с девочкой будет дальше?

Мы хотели сказать и о том, что один такой замечательный Мякишев ничего сделать не может. Люди должны стремиться стать добрее, но от их доброты окружающие не должны страдать. Каждый человек любит доброту — откуда же столько зла вокруг? Может быть, от неумения за доброту бороться?

Я впервые увидел Владимирову в кино. Я не знал тогда, что он — знаменитый театральный режиссер, руководитель театра. И надолго слился в моем восприятии образ актера и его героя — Василия Губанова из фильма «Твой современник». И как-то соединилось: твой современник — это о Губанове. Но ведь и о Владимирове — тоже. «Есть роли — сыграешь, и словно взята некая важная высота, и нельзя уже возвращаться к старому уровню», — писал об этой работе сам Владимиров.

И фильм уже отсняли, и время прошло, а я еще долго при решении какой-нибудь трудной задачи спрашивал себя: «А как поступил бы на моем месте коммунист Губанов?»

Люблю людей, у которых есть своя тема. Вспоминаю выдающегося нашего актера Николая Симонова. У него была своя тема — тема благодетельства. Какую тему ты несешь, что в тебе главное? Есть ли оно, это главное? — как редко задумываемся мы над этим вопросом. Губанов — человек чести. Он чист в отношении к себе и к другим. Честность руководит им во всех его поступках. Он никогда не изменит тому своему главному душевному предзнаменению — поэтому я его люблю. Давайте же задумываться над тем: чем заполнена наша душа? Какой стержень ее держит?

В эти дни Ленинградскому академическому театру имени Ленсовета исполняется полвека. Поздравляем славный коллектив, желаем ему новых творческих успехов, энтузиазма, молодости!

Не устаю повторять это и своим молодым актерам, студентам. Вообще когда я принимаю экзамены у студентов, обращаю внимание на три вещи: пластику, музыкальность и... Понимаете, вот он вошел, встал перед приемной комиссией и, несмотря на все его волнение, я вижу, как он рад, что наконец-то сможет показать, как умеет читать стихи, петь, танцевать. Это в любой профессии так: нужно овладеть азами и уметь испытывать восторг от того, что ты делаешь. Работа — это идеал, который ты наконец-то обрел, наконец-то ваша любовь стала взаимна, вы вместе... Впрочем, об этом мы уже говорили.

А хотите знать, как я сужу, талантливы актер или нет. Если он хорошеет на сцене или на экране — значит, талантлив.

До чего же это трудное дело — оставаться молодым! И не потому, что годы неумолимы, — этот седой человек всегда умеет находить общий язык с молодыми коллегами. Быть молодым — значит, быть новатором, значит, стремиться сделать так, как до тебя еще не было. Владимирову сильно доставалось за его мюзиклы. Мол, что такое: в драматическом театре — и поют! (Это сейчас поют все). Мол, как же так: в серьезных постановках — зонги... (Это сейчас современная песня в драматическом спектакле никого не удивляет). Его первые музыкальные постановки стали уже историей, а его новые работы по-прежнему молоды, полны музыки, света — вот разве мудрости в них прибавилось.

— Да, доставалось за музыкальность. И мне уже порядком надоело говорить, зачем я это делаю. Если мы признаем, что песня — оружие, почему мы боимся использовать это оружие в театре? Если мы хотим сделать спектакль современным, почему мы порой боимся современных форм? Смелость города берет не только на войне и не только в театре.

Актеры в XIX веке говорили: «Этот актер плохой: он говорит не в тон». Мне не надо, чтобы у актера был голос, как у баса Большого театра. Мне надо, чтобы у него был слух. Слух — штука великая и в жизни. Слух — это и умение слышать собеседника, и умение угадывать мелодию времени. Я говорю и о внутреннем слухе.

Не выступая ли я в роли пророка? Не даю ли слишком много рецептов? У меня ведь тоже бываю неудачи. Да и откуда я знаю, может быть, все мои спектакли — неудачи. Ведь некоторые так и считают. Мой мудрый замдиректора говорил: «Одинадцатый аншла — твой». Это значит, он своими административными способами сделает мне десять аншлагов, одиннадцатый — за мной. Но если зрительно скучно, если я не сумел угадать, чем он живет сегодня, я снимаю спектакль. Еще совет напоследок. Надо уметь признавать свои поражения, тогда их будет меньше.

Нет, все-таки похож Владимиров на Чешкова. В первую очередь одержимостью. Вся его жизнь отдана театру, а значит — нам, зрителям. И мне хотелось, чтобы он поговорил с нами о многом, чтобы каждый нашел в его размышлениях что-то близкое для себя. Пусть что-то одно, но близкое. Ведь когда открывается занавес и яркие лучи прожекторов выхватывают из темноты лица актеров, мы не актеров видим — себя, и благодарны мы им за то, что они устроили нам встречу с нами же самими — с нашими собственными проблемами, размышлениями, жизнью нашей.

А. МАКСИМОВ.